

Сергей Прокопьев

**НЕ НАДЕЙТЕСЬ
НА КНЯЗЕЙ,
НА СЫНОВ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ**

роман

16+

Сергей Прокопьев

**Не надейтесь на князей,
на сынов человеческих**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Прокопьев С. Н.

Не надейтесь на князей, на сынов человеческих /
С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Волен священнослужитель баллотироваться в депутаты? По существующим нормам – нет. Герой романа «Не надейтесь на князей, на сынов человеческих» протоиерей Виталий выдвинул свою кандидатуру в Горсовет – противостоять мздоимцам, лихоимцам, оборотням. Ещё один реально-фантастический персонаж романа – иерей Виталий Багинский. В Гражданскую войну Багинский (в прошлом кавалерист) с оружием защищал церковь и страну от безбожников. Он появляется в романе в наши дни, видит возрождение поруганной Церкви, новые храмы, но в высокие кабинеты рвутся бесы, сея вокруг себя разруху, нищету, безнравственность.

Содержание

Не надейтесь на князей,	5
Кандидат в депутаты	6
Отец-настоятель Багинский	9
Комик по жизни – злодей на ринге	14
Мой самый лучший институт	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Не надейтесь на князей, на сынов человеческих

Роман

Горе тем, которые постановляют несправедливые законы
и пишут жестокие решения, чтобы устранить
бедных от правосудия и похитить права
у малосильных из народа Моего,
чтобы вдов сделать добычею своею и ограбить сирот.

Книга пророка Исаяи

Кандидат в депутаты

Позвонил знакомый и огорошил: а ты знаешь, что батюшка Виталий Кузнецов баллотируется в Горсовет?

Как так? Раве иерею можно? Да и напрасный труд. В депутаты батюшка навряд ли пройдёт (кухню избирательных кампаний немного знаю), а себе, священнику, может всё испортить.

Во времена перестройки хлынула в наши пределы демократия, был учреждён Съезд народных депутатов, среди коих имелись тогда и народом избранные священники, епископы. Однако с роспуском Советского Союза патриарх эту практику прикрыл, запретил священнослужителям вновь созданной Российской Федерации ходить во власть. Они должны денно и нощно духовно окормлять паству, а не политикой заниматься. На сто процентов правильно это или не совсем – не мне судить. Спортсмен должен заниматься спортом, певец – петь песни на сцене или в телекамеру, балерина – танцевать Одиллию или маленьких лебедей под музыку Чайковского, генерал – служить Отчизне в окопе или рядом с ракетной установкой... Но они почему-то многочисленно идут в депутаты Госдумы, Законодательных собраний краёв и областей. Надо понимать так – представляют спортсменов, певцов, воинство в законодательных органах, тогда как православную паству не представляет никто. Интересы православного человека знающе во власти не защищает никто. Насколько это правильно, не мне судить. Хотя если заглянуть в историю России – среди депутатов царской Государственной Думы каждого созыва были священники. И не один два, а до сорока и более человек. Обязательно избирались в Думу епископы. Есть примеры из советских времён – патриарх Пимен был депутатом Верховного Совета СССР, а в биографии патриарха Алексия II есть факт – он был делегатом Съезда народных депутатов СССР. Но это так – рассуждения на вольную тему.

– Батюшка Виталий, зачем вам это? – спросил при встрече. – Никогда политикой не занимались, а тут...

Батюшка стал горячо говорить, что попросили духовные чада. Кого-то из них крестил, у других крестил детей. Жить дальше так ведь нельзя. Молодёжь ежемесячно тысячами уезжает из города и области, бегут, будто от напасти какой, будто какая катастрофа ожидается. В то же время то и дело разгораются скандалы о воровстве, мошенничестве во властных структурах, а жизнь простого человека становится хуже и хуже. Он взят за горло, как крепостной крестьянин. Пока мы не будем жить по христианской морали, пока не искореним кабальное ростовщичество банков, – ничего хорошего не будет! А кому это проводить в жизнь, чтобы жили по заповедям Божьим, со страхом Божьим, как ни священнику. И не только в церкви проводить. Старец Иона Одесский говорил: «Виталий, рая на земле не будет!» Но и ада не должно быть.

– Нельзя священникам во власть, – говорю батюшке.

– Я хоть и служу, но пять лет на пенсии. Формально – пенсионер. А пенсионерам в депутаты пока не возбраняется. Батюшки в войну брали в руки оружие, уходили на фронт, уходили в партизанские отряды. Если враг на пороге, от слов надо переходить к действиям, защищать Родину. А разве не война? По официальной статистике половина страны скатилась на грань нищеты. Страна ломится от богатства, а народ бедствует. И что, мириться с этим? Стучите да отверзется, ищите да обрящите. Как ошпаренные запрыгали, когда подал заявку в кандидаты...

Батюшка Виталий заставил поволноваться и властные структуры, и структуры стремящиеся во власть. Всё-то у них под контролем, и вдруг сюрприз – поп в депутаты. Никогда такого не случалось, а тут тёмная лошадка. Вдруг на новенького проскочит, опередит назначенных людей. Опыта работы с подобными оппонентами не было. Отцу Виталию, как только зарегистрировался в кандидаты, тут же позвонили и предложили снять кандидатуру! Он категорически отказался. Последовал звонок в епархию: повлияйте на вашего попа. Дескать, Богу – Богово, а кесарю – кесарево. Пусть своим делом занимается – кадиллом машет, псалмы поёт,

крестит, отпевает, с амвона вещает, а не с депутатских трибун. Есть кому этим заниматься. Епархия тоже удивилась, как это священник тихой сапой нацелился в Горсовет? Власти были успокоены: иерей обязательно отзовёт документы кандидата.

Отец Виталий не отозвал.

– Никогда не шёл на попятный. Раз дал слово духовным чадам баллотироваться, значит, буду. Ни на боксёрском ринге, ни работая в речном флоте, ни иереем не отступал и здесь считаю – прав. Почему просят меня идти в депутаты? Живу честно, хором царских и любых других нет, самое большое богатство – пятеро детей. А сколько сотен взрослых и младенцев окрестил за двадцать пять лет. За моих чад кто как не я в ответе. Заводы стоят, народные деньги разворовываются миллиардами, молодёжи работать негде... Как с этим мириться? А в депутатах кто? Этот вчера был бандитом (если ты среди людей живёшь, многое о многих знаешь не по газетам), а сегодня имеет депутатскую неприкосновенность. Тот вчера наворовал, а сегодня норовит стать государственным человеком, лезет во власть, дабы подняться на новый уровень грабежа, расширить поле деятельности для загребущих ручонок. Один ушлый кандидат в депутаты, мой соперник по выборной гонке, оперативно жалобу настроил в избирательную комиссию, дескать, у отца Виталия имеется недвижимость на Кипре – квартира. Я ещё удостоверение кандидата не получил, не вступил в эту самую гонку, уже объявился борец за честные выборы, за чистоту рядов на дистанции – грязью меня облил. Прознал, что я неоднократно ездил на Кипр в монастырь святого Лазаря, служил там, и подумал, дай-ка запущу утку, СМИ любят священников обличать, дай только повод лишний раз пнуть. Это не в губернатора или мэра грязью швырнуть, там быстро ответку получишь. Оппонент мой ни мытьём так катаньем задумал пролезть в депутаты. Бессовестное враньё быстро выяснилось – не только квартиры никогда не было за рубежом, за ту, в которой живу, пятнадцать лет ипотеку плачу. И ещё не рассчитался...

Отец Виталий – романтик. Мы с ним из поколения, чьё школьное детство выпало на шестидесятые годы прошлого века. Время космическое, подъёмное. Полёты Гагарина, Титова, громкие победы наших хоккеистов, великие стройки – Братская ГЭС, Красноярская ГЭС, Саяно-Шушенская ГЭС. Мы читали журналы «Техника молодёжи», «Знание – сила», «Наука и жизнь», в которых воспевалась сила человеческого ума, сила духа, славился труд на благо Отчизны. А какие песни звучали:

Понимаешь, это просто, очень просто
Для того, кто хоть однажды уходил.
Ты представь, что это остро, очень остро:
Горы, солнце, пихты, песни и дожди.
И пусть полным-полно набиты
Мне в дорогу чемоданы:
Память, грусть, невозвращенные долги...
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.

И щемило сердце, и хотелось в эти дали, где пахло тайгой, туманной сыростью, где текли через бескрайние леса гигантские реки, ломила зубы вода хрустальных озёр. Победные дела вершились в Арктике и Антарктике, на просторах суровой тундры и на островах далёкой Камчатки, в пустынях и среди гор. Дух захватывало, глаза разбегались перед картой Советского Союза.

Батюшка – плод романтической эпохи, и пусть время изменилось в корне, изменилось на сто восемьдесят градусов, батюшка в душе остался романтиком. После школы окончил речной институт, работал на реке, потом вдруг решил стать художником, поступил в пединститут на

факультет художественной графики, окончил его. Кого только нет среди духовных чад и знаковых: учёные, речники, предприниматели, художники, актёры, режиссёры. Главный тренер женской сборной России по волейболу Сергей Овчинников, хоккеист Денис Куляш, борцы, боксёры, артисты. Бывали в его келье на исповеди представители криминальной среды – те самые братки, тоже люди, тоже с душой, которая болит...

Батюшку наивным не назовёшь, многое повидал, о многом и многих передумал. Когда мы с ним познакомились, при каждой встрече настоятельно рекомендовал мне сесть за кино-сценарий о священнике Багинском.

– Какая судьба у человека! – вдохновлял меня на работу. – Ты можешь написать отличный сценарий. Личность более чем колоритная! Столько интригующих поворотов, неожиданных ходов в его жизни. Кем только ни был – семинарист, студент университета, офицер-кавалерист, священник, управляющим банком, командир боевого отряда колчаковцев, а после того как колчаковцев разбили, был священником и директором совхоза, пока органы не добрались до него... Понятное дело – если ни в чём не повинных священников расстреливали тысячами, его-то и подавно поставили к стенке. Напиши сценарий, фактов на бестселлер хватит. Съезди в Большереченский район, в Евгашино, где у него бы приход. Село с очень интересной историей. Казалось бы – глухомань, ан нет – жили купцы первой и второй гильдий. Если бы все священники как Багинский встали на защиту России, Церкви, разве смогла бы страна ухнуть в кровавую Гражданскую войну, где русские истребляли русских на радость врагов?

Батюшку люблю и уважаю, только идея сценария не вдохновляет. Не моё. И всё же прежде чем поведу подробный рассказ о батюшке Виталии Кузнецове, посвящу главку протоиерею Виталию Багинскому, раз уж зашла о нём речь. В чём-то схожи эти два отца Виталия. В разные эпохи жили, разные изгибы судеб, но у того и другого в натуре неутомимость, неуспокоенность, оба деятельные, оба романтики, болеющие душой за паству, обеспокоенные, как бы не свалилась Россия в ад безбожия. И детей у каждого по пять человек...

Отец-настоятель Багинский

Кто-то из отцов церкви сказал: в последние времена треть священников отойдёт от церкви, треть встанет под знамёна врага рода человеческого, а треть будет за Христа до расстрельной стенки, до виселицы, до плахи. В первые годы советской власти так и получилось: часть священников остались верны пастве, в итоге взойшли на голгофу, кто-то решил уйти в тень – я не я и церковь не моя, снял с себя сан, кто-то подался в обновленческую церковь, стал служить под дудку безбожной власти.

Священник Виталий Багинский в Гражданскую войну выбрал свою дорогу, отличную от перечисленных: взял в руки оружие и пошёл против большевиков-безбожников. Сын псаломщика, он в ранней юности воспитывался в сельскохозяйственном училище. Затем встал на путь духовного служения – три года учился в Волынской духовной семинарии, сдал экзамен по богословским предметам, после чего решил сан не принимать, а получить светское образование – поступает на физико-математический факультет Киевского университета. Хватает этого порыва ненадолго – на втором курсе разочаровался в физике и математике, ушёл из университета подался ни куда-нибудь из студенческой вольности, а в кавалеристы. Будто знал, что понадобятся в жизни военные навыки, поступил в Елисаветградское кавалерийское училище. Три года учёбы, и Багинский – унтер-офицер русской армии. Каких-то двадцать лет молодому человеку. Погоны, шашка, восхищённые взгляды барышень. Но нет, Багинский делает ещё один головокружительный поворот – меняет китель на рясу. В 1903 году уходит с военной службы и рукополагается в священники Волынской епархии.

Через пять лет следует географический скачок в судьбе: в 1908 году отец Багинский уезжает в далёкую Сибирь, в Тобольскую губернию, Омскую и Семипалатинскую епархию. Шесть лет служит священником в только что отстроенной Серафимовской церкви совсем небольшого села Рагозино Седельниковской волости Тарского уезда. Служит истово, вдохновенно, в одной из статей о нём написано: «Проводимые Багинским богослужения казались прихожанам идущими от самого Бога». С двадцать третьего октября 1914 года Багинский начинает служить в церкви Святителя и Чудотворца Николая села Евгашино Логиновской волости Тарского уезда. Мне думается, кто-то из купцов Евгашино приглядел рагозинского священника – молодого и энергичного, умного и яркого – и поспособствовал переводу его в Евгашино, которое было более чем уникальным селом Сибири. Это сейчас деревня и деревня, пусть не обижаются на меня его жители, в XIX веке и начале XX было одним из крупнейших в экономическом и культурном отношении сёл Тобольской губернии. Назовите другое село в царской России, которое могло похвастаться подобным: купцы первой и второй гильдии жили в Евгашино. Самый знаменитый из них – купец первой гильдии Алексей Дмитриевич Калижников, владелец предприятий, пароходов, его магазины торговали в Москве, Петербурге, Семипалатинске и Харбине (Китай). Широко вели свои дела купцы Сергей Васильевич Ярков, братья Мельниковы – Иван Артемьевич и Пётр Артемьевич, Филипп Осипович Резин, владелец кожевенного завода.

Кроме кожевенного работали в Евгашино овчинный, кирпичный, обозный, салотопный, были ветряная и паровая мельницы, нефтебаза, пимокатная мастерская, пристань на Иртыше. Делаю акцент – для детей Евгашино работали две школы. И ещё один акцент того же порядка: два училища было открыто в селе – коммерческое и техническое. Не рядовое село. Имелась в Евгашино небольшая группа зажиточных крестьян, а основная масса – средние крестьяне, свои хозяйства они вели крепко и жили в достатке.

Ежегодно в Евгашино проводилось две ярмарки восьмого июля и тринадцатого ноября.

Отец Виталий на новом месте дела церковные повёл твёрдой рукой. И паству воспитывал, и коллегу отца Флегонта Шепетова, чрезмерно склонного к винопитию, наставил на путь трезвой жизни, тот стал исправно нести службу. Отец Виталий взял на себя и педагогическую

нагрузку – законоучительствовал в Евгашинской церковно-приходской школе. Человек неординарный, был вхож в дома всех влиятельных людей села, везде ему были рады, везде принимали с почтением.

Страна жила в эти годы как на вулкане: война с немцами, отречение царя, Временное правительство, созыв Учредительного собрания, переворот большевиков. Всё менялось с головокружительной скоростью, и кипящая натура Багинского не могла остаться в стороне. Он занялся политической деятельностью, в 1917 году вступил в партию кадетов и создал в Евгашино отделение кадетской партии, поддерживал связь с центральным комитетом партии в Петрограде.

Какая политика без денег. Багинский участвует в создании союза кредитного товарищества «Союз-Банк», играет едва не ключевую роль в его успешной работе. С конца 1917 года становится членом Тарской земской управы. Он постоянно в движении, постоянно в работе. Обладая природным талантом организатора, привлекает к работе в «Союз-Банке», влиятельных и богатых тарских и евгашинских купцов. Церковный амвон использует для внедрения в массы своих политических антибольшевистских взглядов.

В январе 1918 года новая власть выпустила декрет об отделении Церкви от государства, нововведение было воспринято православным людом с подозрением, а не начнётся ли притеснение церкви? Вскоре подозрения подтвердились. В конце января восемнадцатого выходит декрет о переходе страны советов на григорианский календарь. Его ввели в пику юлианскому, по коему вела летоисчисление православная Россия. В январе восемнадцатого года власть в Омске захватили большевики, а третьего февраля по старому стилю на воскресной литургии во всех храмах Омска с амвона прозвучал призыв: все на всеобщий церковный ход. Его назначили на следующий день. В понедельник едва не весь город высыпал на улицы. Такого шествия православных едва ли доселе видел когда-либо Омск.

Отец Виталий узнал о крестном ходе, будучи в Саргатке, он не мог остаться в стороне, тут же решает срочно ехать в Омск, подвернулась оказия, евгашинские мужики везли обозом в Омск масло и кожи. Мужики дали батюшке овчинный тулуп, посадили в сани.

Багинский не был монархистом, на ура воспринял отречение царя, говорил в проповедях, что теперь в стране будет республика, она принесёт народу благоденствие. С надеждой на будущие благие перемены вступил в партию кадетов, стал активным её членом.

С опозданием доходили в Евгашино вести из Петрограда и Москвы. Новость о победе в октябре-ноябре семнадцатого большевиков и известие об убийстве в Царском Селе при большом стечении народа солдатами-большевиками протоиерея Иоанна Кочурова пришли одна вслед другой. В деревнях у мужиков не изменилось отношение к церкви за эти бурные месяцы после отречения царя, но было в Евгашино несколько вернувшихся с фронта солдат, они частенько сбивались вместе, пьянствовали, матерились, а напившись, открыто богохульствовали. Это было невиданным явлением, мужик не позволял себе подобного. Убийство Иоанна Кочурова подтверждало опасения – большевики круто берутся за церковь.

В Омске отец Виталий пошёл к Свято-Успенскому кафедральному собору. Площадь перед ним кишела народом. Кого здесь только не было – мужики, бабы, гимназисты, студенты, встретил знакомого преподавателя учительской семинарии. В длинном пальто, в шапке, типа скуфейки.

– А какое сегодня у нас, батюшка, число? – спросил тот, хитро улыбаясь.

– Четвёртое, – ответил Багинский.

– А вот и нет, а вот и нет, – захихикал преподаватель, только сейчас батюшка понял, педагог подшофе. – Нет такого дня в феврале. Сегодня у нас аж семнадцатое.

– Тьфу-ты, – вспомнил батюшка о переходе на новый календарь, который сделал скачок на тринадцать дней вперёд, февраль начинался сразу с четырнадцатого.

Несколько тысяч прошли по Омску с хоругвями, иконами, возглавлял крестный ход владыка Сильвестр, он шёл впереди в окружении священников. Двигались от храма к храму, у каждого преосвященный Сильвестр служил молебен, обращался к народу с пастырским словом, призывал всех оставаться верными вере Христовой в тяжелую годину и не отдавать безбожникам на поругания церкви.

Многотысячное шествие привело в ярость недавно захвативших власть в городе большевиков. Они задумали обезглавить омскую церковь, арестовать «главного попяру Сильвестра», уж больно большой у него авторитет в Омске. В ночь с пятого на шестого февраля за владыкой пришёл отряд матросов. С установлением новой власти в Омске появилось немало лихих людей, которые проникая в дома под видом обысков, чинили грабежи и насилия. Владыка запретил открывать ночью дверь кому бы то ни было. Матросня прикладами колотила в двери и ставни архиерейского дома, устрашающе стреляла в воздух, грозила устроить взрыв, если не пропустят в дом. «Перестреляем всех, как собак!» – угрожали криками. Эконом Николай Цикура дал команду бить в набат на соборной колокольне, чтобы собрать набатом народ к пастырскому дому.

Отец Виталий, бывая в епархии, не один раз сталкивался с Цикурой, он производил впечатление умного и решительного человека. Ворвавшись к владыке, обозлённые матросы, матерясь и угрожая оружием, начали требовать:

– Где архиерей?

Владыка шагнул навстречу:

– Я – архиерей!

Его грубо схватили, не дали одеться, в подрыснике, а мороз стоял нешуточный, повели из дома на улицу. Цикура попытался защитить епископа, хотя бы передать ему тёплую одежду и получил разрывную пулю от главаря отряда. Это было настолько неожиданно, настолько жутко, безоружный человек был застрелен вот так запросто, походя.

О смерти эконома Багинский узнал на второй день после возвращения в Евгацино. Будь отец Виталий в ту ночь рядом с владыкой, при его характере – бросился без раздумий, отстаивать своего архиерея. И не избежал бы своей пули. Но до неё оставалось ещё девять лет.

Вскоре скорбная весть пришла из Киева, там власть переходила из рук в руки, при этом шли грабежи монастырей и церквей, в Киево-Печерской лавре солдаты схватили митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленский) и зверски убили вблизи лавры. Митрополита Владимира отец Виталий видел. В соборе Святой Софии был на его архиерейской службе, когда учился в Киевском университете. В голове Багинского не вмещалось, как братия лавры допустила кучке бандитов схватить и увести владыку. Тысяча с лишком монахов, голыми руками можно раскидать

В июне восемнадцатого года большевистская власть в Омске пала, Гражданская война во всей своей кровавой беспощадности пришла на омскую землю, и отец Виталий решил, что пора и ему действовать на передовой. Если безжалостный враг в твоих пределах, недостаточно лишь призывать паству с амвона к борьбе с ним. Монахи Пересвет и Ослябя вышли на Куликово поле биться с ордынцами Мамаю, пришедшими уничтожить Христову веру, а сейчас новые ордынцы-безбожники нагрянули на Русь. Тут или-или, не мы их, так они нас изведут, а значит, надо и ему братья за оружие.

Вот гдегодились офицерские знания и навыки, полученные в кавалерийском училище. Багинский становится командиром отряда, организует в Евгацино дружину самообороны, которая распространяла своё влияние на добрый десяток волостей, противодействуя распространению идей большевизма, срывая мобилизацию местных жителей в Красную армию. Если быть до конца точным, отсутствует информация, архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр благословлял его на командование отрядом самообороны с оружием в руках или

нет. Хотя владыка не мог не знать о командире отряда в сане священника, но и отрицательной реакции архиерея на воинственность иерея не имеется в распоряжении историков.

Самоотверженная борьба отряда Багинского с большевиками стала известна Верховному правителю Колчаку. По представлению адмирала Багинский был награждён Церковью наперсным крестом. В ответ Багинский послал Верховному правителю благодарственную телеграмму, причём серьёзно подкрепил благодарность – перевёл адмиралу двести тысяч рублей из кассы тарского «Союз-Банка», которым он к этому времени управлял.

Осенью 1919 года колчаковские войска стали терпеть одно поражение за другим, в ноябре был сдан Красной армии Омск, но ещё раньше, в октябре, Багинский исчезает из Евгашино. Владыка Сильвестр остался с духовенством и паствой в Омске, не покинул город с колчаковцами, что привело его к мучительной смерти – был распят на полу и заколот шомполом. Багинский, зная, что его не пощадят, скрылся на юге Сибири, осел в Минусинске. Там натурализовался и занялся мирной жизнью. Служил священником в местной церкви, а также заведовал свечным заводом и даже одно время руководил совхозом. И это было для него делом знакомым – в детстве воспитывался в сельскохозяйственном училище. Много что умел отец Виталий. Возникает вопрос: почему не уехал он как можно дальше из большевистской России, не ушёл, к примеру, в Маньчжурию? На что надеялся? Скорее всего, самоуверенно посчитал, что и без того затеряется, как иголка в стоге сена. Страна огромная, где то Евгашино, а где Минусинск. Да и жена с детьми осталась в Евгашино. Он ушёл со старшим сыном. Скорее всего, поэтому не бежал за границу. Надеюсь со временем соединиться с семьёй. Однако страна бурлила, люди перемещались по необъятным российским просторам. В 1927 году Багинский случайно был опознан сотрудниками ОГПУ. Арест, суд, обвинение в преступлениях против советской власти и убийстве мирных жителей. В 1927 году был расстрелян в Минусинске. Всех священников, которые погибли в ГУЛАГе, реабилитировали, Багинского – нет.

Что там говорить, колоритная личность. Его образ в киносценарии можно выстраивать как воина Христова, который идёт на крайний шаг, берёт в руки оружие, активно противостоит силам, объявившим безбожие своей религией и ведущим беспощадную войну с духовенством. Это решение даётся священнику непросто, взять в руки оружие, значит, стрелять в своих вчерашних прихожан... Другой вариант сценария – выписывать образ Багинского, как человека склонного к авантюризму, человека, который так и не определился, что же главное в его жизни – священство, политическая борьба...

– Если бы каждый священник организовывал в Гражданскую войну такие отряды, – горячо говорил мне батюшка Виталий Кузнецов, – разве смогли бы безбожники победить! А разве сейчас не нужны отряды самообороны против пьянства, разврата, наркомании, коррупции! Телевизионные каналы травят нас гадостью. Интернет забит мерзостью, порнографией. Надо бить в набат с амвона! наших детей, наших церковных чад планомерно, целенаправленно, цинично губят. Россия нужна Западу без русских, об этом открыто говорится. И многие годы идёт тихая война против русского народа и любого другого народа России... В том числе и руками находящихся у власти. А мы, церковнослужители, делаем вид, что ничего нет, тишь да гладь да Божья благодать!

Не буду я братья за киносценарий о Багинском, не моя тема, зато начну рассказ о батюшке Виталии Кузнецове. Он один из тех священников призыва девяностых, кто пришёл в церковь сформировавшимся человеком. Если Багинский из духовного сословия, с детства рос в православной среде, и как ни бросала судьба незаурядного человека, всё одно пришёл к служению Богу. Батюшка Виталий ни в детстве, ни в юности не представлял себя священником. Никогда не думал об этом... Но есть интересный факт в его биографии. Учась в Новосибирском институте инженеров водного транспорта, несколько раз видел сон, казавшийся странным, идёт церковная служба, будто всё в золотистом свете, а он в алтаре в облачении... Рас-

сказывал однокурсникам, они в ответ подшучивали, даже короткое время звали Пономарём. Это прозвище не прижилось... Другое сопровождало все годы учёбы – Шурик...

Комик по жизни – злодей на ринге

– Ты пиши, – сказал в одну из наших встреч батюшка Виталий, – если Бог дал тебе такой дар – пиши! Не откладывай на потом. Что не сделаешь сегодня, не сделаешь никогда. Завтра будет новый день, и ты напишешь уже другое. Если чем-то интересен мой жизненный опыт – используй.

Батюшка из тех собеседников, с которым всегда легко. И не устаёшь с ним. До его политического казуса я много раз приходил к нему в Крестовоздвиженский собор. В его распоряжении была небольшая комнатка, этакая келья. В ней стояли друг напротив друга два дивана, большой стол у глухо задрапированного, полностью затемнённого окна, в углу у двери низенький, типа журнального, столик с электрочайником, по стенам иконы, полки с книгами. Уютная комнатка.

В ту нашу встречу батюшка говорил про учебу в институте (обязательно дадим ему слово на данную тему), но первым делом пожаловался: у дочери возникли проблемы. Учится в консерватории, один преподаватель начал её домогаться. Тот случай, когда седина в голову бес в ребро. Ему под шестьдесят, а он влюбился. Да не просто пофлиртовать. Женюсь, дескать, жизнь без тебя не в радость. Жену готов бросить... Влюблённый-то влюблённый, но и административный ресурс подключил. Величина не слабая – профессор. Начали девчонку прессовать, один предмет сдать не может, второй. До этого без сучка и запиночки училась, тут началось... Профессор напрямую говорит, соглашайся и учёба пойдёт как по маслу... Получишь диплом, пойдёшь по преподавательской стезе – кандидатскую защитишь. Девчонка умница, деятельная, без такого «спонсора» может всё сделать... И вдруг в самом начале пути...

– Беспредел! – возмутился батюшка.

Рассказал, что у них в институте однажды случилось подобное, преподаватель физики начал интимное предлагать студенте, дескать, за это «пятак» ставлю, можешь вообще не учить. Сокурсники девушки бучу подняли на весь институт, собрали комсомольское собрание, обратились к ректору. Кончилось тем, что преподавателя убрали.

– За дочь не знаю, что могу сделать! Я ведь боксом занимался в студенчестве и потом много лет.

На этих словах я вспомнил...

Память наша прихотлива, парадоксальна, что-то начисто забывается, а, казалось бы, незначительный эпизод остаётся в тёмных глубинах и вдруг выныривает на свет...

Середина девяностых годов, проходя мимо Крестовоздвиженского собора, заглянул на короткое время в храм, а потом на выходе из церковного двора оказался невольным свидетелем диалога двух старушек:

– Батюшка поднёс бы ему в лоб, он ведь боксёр, да нельзя священнику кулаки распускать.

– А надо бы хулигана проучить, нашёл, где безобразничать.

Я посмотрел, куда были устремлены взоры бабушек. На другой стороне улицы у одноэтажного дома спиной к нам стоял священник в подряснике, напротив него мужик крепкого телосложения, похоже, крепко выпивший. Он что-то громко выговаривал иерею. Из слов бабушек я понял, мужик начал безобразничать, обижать нищих, батюшка его погнал...

Через много лет память вытолкнула картинку того эпизода. Вот, оказывается, когда я впервые увидел батюшку Виталия. Позже не сталкивался с ним, в Крестовоздвиженский собор заглядывал раз в полгода, не чаще, записки подать, свечи поставить, на службы туда разу не ходил, священников не знал.

– Меня звали в институте: комик по жизни – злодей на ринге, – начал батюшка, когда я попросил рассказать о спортивном прошлом. – У меня был друг в группе Володя Казанцев – чемпион республики по боксу, мастер спорта, он увлёк этим делом. Учился я в Новосибир-

ском институте водного транспорта, на гидротехническом факультете. Жил в общежитии. В один год в общежитие вошли в моду кулачные бои. Мы говорили: бои на звание коридорного чемпиона. Молодые парни, кровь играет. Казанцев сам не участвовал, это и понятно, кто против пойдёт. Меня выставял. Собираются две группы, каждая выпускает своего бойца. Ребята звали меня Шурой. Тогда только что прошёл фильм «Золотой телёнок», где Шуру Балаганова играл Леонид Куравлёв. Я любил похохмить. После института со многими ребятами переписывался, писать письма по сей день люблю. Сейчас в основном в «Одноклассниках» или по электронке. Некоторые из ребят и в письмах после института обращались: «Шура, привет». Прилипло. Меня звали Шуриком, а Казанцева – Графом. Была популярна песня Юрия Визбора:

Вставайте, граф! Рассвет уже полощется,
Из-за озерной выглянув воды.
И, кстати, та вчерашняя молочница
Уже поднялась, полная беды.

Казанцев любил эту песню. Есть неправильное убеждение: боксёр – значит, одна извилина. Встречал и таких. Голова непробиваемая, а кулаки чугунные, думать не надо – молотит без устали, как заведённый. Интересны другие на ринге – боксёры-интеллигенты. Казанцев был хорошим шахматистом, отлично играл на гитаре. Богато одарённый и всё успевал. Вид имел аристократический – среднего роста, сухопарый, интеллигентное лицо. Граф.

В тот раз за звание коридорного чемпиона бились в комнате общежития. Всё как положено: перчатки, секунданты, судья на ринге. Кровати к стенкам сдвинули.

– Боцмана выставяем! – сказали ребята из комнаты напротив.

Боцман – Толик Морозов, восемьдесят килограммов веса. Альпинизмом занимался. Казанцев в ответ:

– Мы – Шуру.

А во мне шестьдесят три килограмма. Отказываться стыдно, надеваю перчатки. Боцман хоть и не боксёр, зато двухпудовку запросто бесщётное количество раз выжимает, постоянно тренирует руки-ноги по горам восхождения делать. Я старался под его прямой не попасть, уходил, уклонялся, да всё равно Боцман поймал, мячиком я с одного конца комнаты в другой на кровать улетел. Поднимаюсь, но не сдаюсь – стыдно опозориться, на кону честь комнаты. Потанцевал вокруг Боцмана и в прыжке со всей дури боковой впечатал. У Боцмана кровь из носа хлынула фонтаном. Перчатки сорвал, бросил на пол:

– Пошли вы все к едрене-фене...

Часто кулачные бои в подвале общежития устраивали. Там оборудовали спортзальчик с тренажёрами. Ринга не было. Вместо канатов зрители кругом встанут. Учился у нас в группе Руслан Бойко. Мать кандидат наук, историю КПСС в нашем институте преподавала. Отец журналист областной газеты. Известные в городе люди. Жили рядом с общежитием, Руслан часто у нас пропадал, я у него дома бывал. Добрый парень. Городского воспитания, раскованный, эрудированный, с юмором, много стихов на память знал. В нём было что-то гусарское. Одевался не чета нам, при таких родителях была возможность помодничать, мы говорили – помодничать. Джинсы фирменные, рубашки красивые. Девчонки увивались вокруг него. На втором курсе нахватал хвостов, пришлось в академический отпуск пойти, отстал на один год. Как большинство из нас – занимался боксом. В тот раз его выставили, а Граф – меня. Говорил, надо больше тренироваться, использовать любую возможность, тогда точно боксёр из меня выйдет. Ладно бы одной весовой категории с Русланом, в нём семьдесят пять килограммов. Во мне всё те же шестьдесят три. Им потеха, мне слёзы. Но раз тренер сказал, не откажешься. Руслан накаченный, торс как у Шварценеггера, а из моих шестидесяти трёх килограммов все рёбра торчат, можно брать в медицинститут изучать строение скелета.

– Шура, – дал установку перед боем Казанцев, – близко Русланчика не подпускай, на дистанции держи. Спокойно работай.

Я и сам знаю, да у Руслана руки, как у гориллы длинные. Хитростью надо брать, иначе быть битому. И тянуть резину не тот случай. Пока Руслан в раж не вошёл, надо его обесточить, иначе разгорячится и мне хана... Побоксовались секунд двадцать, потом я делаю уклон вправо, будто бы испугался выпада Руслана, сам ныряю под его правую руку и со всей дури по печени. Поймал шанс, второго может и не быть, нырок делаю и заворачиваю левой. Он на пол падает, ногами заперебирал, и как ребёнок завыл: ой-ой-ё-ёй. Я растерялся. Казанцев мне: «Виталия, беги отсюда».

Руслана на «скорой» увезли. Я ему два ребра сломал.

– Шура, – подвёл итог боя Казанцев, – ты прямо злодей на ринге. Молодец!

Но на кулачные бои перестал выставять, только на тренировках мог подsunуть из более тяжёлой категории. И дал кличку: «Комик по жизни – злодей на ринге».

На спарринг поставит какого-нибудь незнакомого парня из торгового института. Тот здоровый, на голову выше, Граф укажет на него: с ним будешь работать. Мне куда деваться, слово тренера – закон. Бывало, в нокдаун попадёшь. А ещё девчонки наши придут на тренировку:

– О, Шура, молодец, хорошо бился!

Был у нас Ваня Рымаренко, по кличке Фан. Кандидат в мастера спорта. Амбициозный. Он раньше меня поступил в институт, но его в армию призвали. В тот день шли соревнования, я два боя выиграл. Фан к концу соревнований появился, в солдатской форме. Все разошлись, мы остались: я, Граф, Люда Новичкова, из нашей группы, сейчас в США живёт. Сидим, разговариваем, Ваня подходит. Рост под метр восемьдесят, физически крепкий. В большой теннис хорошо играл, гребцы его на свои соревнования привлекали. Граф говорит:

– Ну чё, Ваня, с Шурой будешь драться?

– Нет, не буду, – мотнул головой.

У меня от сердца отлегло. Я на месте Вани с моим характером не сумел бы отказаться. Тем более в присутствии девчонки. Про себя думаю: как хорошо! Фан не с улицы боксёр, не будет ждать, когда я его достану, сам постарается первым...

Казанцев второй раз:

– Ваня, ну че ты, побоксируй с Шурой, он уставший, только что соревнования прошли.

Ваня повторил своё «нет».

Видит, я боем разогрет, воодушевлён. Рационально подошёл, не то, что я бы на его месте... Хотя, если какая стычка на улице случалась, а я был один, старался не доводить до обострения конфликта. Лучше ноги включить, удрать, чем в драку ввязаться. Хуже, когда не один, не убежишь, не бросишь...

Учился в нашей группе Фарид Ризаев, подрабатывал в детском саду сторожем. Мы к нему иногда наведывались. Общежитие надоедало. А тут спокойно, уютно. Парень из соседней группы в бане сторожил, так в его дежурство мы одну зиму парились по ночам. Завалимся компанией человек десять. И ну париться часов до трёх. Пока это дело директор бани не распознал и сторожа не выгнал. У Фариды всё пристойно, к нему шумными компаниями не ходили – максимум вдвоём. Заведующая детским садиком всегда ему каких-нибудь булочек оставляла. В тот раз мы с Мишей Ложкиным, тоже из нашей группы, пришли. В общаге втроем в одной комнате жили. Пьём чай. Хороший цейлонский чай. Почему запомнил, Фарид несколько раз повторил «цейлонский». Сидим, вдруг стук в дверь. У заведующей сын был непутёвый – играл в ресторане на ударных, вёл ресторанный образ жизни, частенько выпивал. Заведующая Фариду строго-настрога наказала не пускать сынка. Пьём чай, вдруг стук в дверь, мы на втором этаже сидели, я спустился – сын собственной персоной, и как водится выпивши. Сказал ему по-хорошему – не пуцу. Он завозмушался:

– Да кто ты такой?!

– Немазанный, – говорю, – сухой.

Бесполезно пьяному что-то объяснять.

Закрыв дверь перед его носом. Через полчаса снова стук. Открываю, приготовив грозную тираду, отшить хулигана. Вместо него на пороге бугай. Здоровенный шкаф во весь проём. Тирада испарилась, будто не было, я заторопился захлопнуть дверь. Захлопнуть успел, на завов закрыть – нет. По двери ручища с лопату величиной как шибанёт. Я пушинкой отлетел. Шкаф с головой и ногами танком двинул на меня. Думаю, сейчас начнётся кровавое побоище. Нас хоть и трое, да Фарид вообще легковес, килограммов пятьдесят пять в нём, пальцы музыкальные – на баяне играет. Мишка спортивный парень, хоккеист, но не Алёша Попович. Надеяться можно только на себя. Громила наступает... Плечищи, ручищи, на лице выражение: сейчас порву всех, как обезьяна газету. Я сначала попятился, а потом остановился и по всем правилам, как учил Казанцев, делаю шаг навстречу, с правой ноги на левую ступаю и наношу короткий прямой удар, рука полностью разгибается в локте, пальцы кулака строго параллельно земле идут... Со всей силы вложил и точно в подбородок правой попал. Громила разом интерес ко мне потерял и всей тушей на спину грохнулся! Ребята услышали шум, со второго этажа прибегают... В углу стоял, таз, крышкой накрытый, мясо размораживалось, громила затылком об него. И лежит, скучает. Отключился. Мы его за руки за ноги вынесли на улицу. Сын заведующей отбежал к калитке.

– Забирай карифана! – крикнули ему.

Поднялись наверх, в окно смотрим, громила полежал-полежал, очухался. Тяжело сел, головой помотал, ставя мозги на место, если они, конечно, были под черепной коробкой, поднялся и тяжело пошёл от садика.

Мишка с Фаридом давай меня нахвалитвать:

– Как ты его уделал! Что значит боксёр!

А я сижу и думаю, други мои ненаглядные, знали бы вы мои ощущения, когда он ввалился. Страх обуял с ног до головы – этакий громила инвалидом сделает и не заметит. Жить захочешь – сделаешься храбрым.

Я рассказал батюшке Виталию о картине, увиденной мной много-много лет назад вблизи Крестовоздвиженского собора, когда он хулигана усмирал.

– Я тогда отчаянный был. Мог и в драку влезть. Нищих у храма не один раз защищал, бабульки прибегут, пожалуются, я туда. Прямо в облачении. Во мне всё переворачивается, когда нищих обижают... Убогие люди, инвалиды... Ты попробуй встань вот так с кружкой... А к ним начинаются вязаться... Бывало, и стукнуть приходилось, если русского языка не понимал человек. Потом настоятелю отцу Иоанну на исповеди покаюсь. Один раз батюшка Иоанн раскипятился, от службы отстранил. Получилось таким образом: я приехал людям квартиру освящать, пятиэтажка, захожу во двор, а там жених с невестой приехали. Свадьбу по дороге из загса отстала, они первыми приехали, из машины вышли, откуда ни возьмись парни подвыпившие. Начали требовать бутылку, дескать, мы должны за ваше здоровье выпить... Нагло напирают. Я подошёл, сделал замечание: ребята идите своей дорогой, видите, праздник у людей. Молодых и защитить некому, рядом лишь свидетель со свидетельницей. А хулиганов четыре упитанные рожи... Один поворачивается ко мне:

– Да пошёл ты, попяра! Иди кадиллом маши, бабки на своём Боженьке зарабатывать!

Меня всего перевернуло, саквояж из правой руки в левую переложил и врезал. Хорошо приложился – грубиян рухнул на колени. Остальным говорю:

– Дуйте отсюда или сейчас всех перелопачу!

Видимо у меня был такой зверский вид, поверили, что «перелопачу». Куда их воинственность девалась, дружка схватили под руки:

– Ладно-ладно, мы пошутили.

Покаялся отцу Иоанну: не сдержался, кулаки распустил, он разгневался:

– А если бы ты его покалечил, не дай Бог! Он бы упал и ударился головой о камень. Ты же боксёр!

Отстранил от службы. Неделю без дела в церкви слонялся, прежде чем отец-настоятель отошёл.

– Хватит прохлаждаться, – сказал, – завтра раннюю литургию служишь. И не распускай больше кулаки.

Такой я «злодей на рынке». А владыка Феодосий, когда я пригнал из Германии подержанный «форд», учил быть предельно внимательным на дороге:

– Ты, священник, а значит, что ни случись, когда в руках руль, даже если пострадавший сам прыгнет под колёса, виноват будешь ты перед Богом.

Владыка, надо сказать, и сам машину хорошо водил.

С дочерью батюшки вопрос без бокса разрешился. Духовные чада с серьёзными милицейскими погонами посодействовали. Позвонили в Екатеринбург своим коллегам, те поговорили с профессором, посоветовали не обострять ситуацию. Профессор поначалу послушался, поджал хвост, обратно полюбил жену. Но прошло какое-то время, снова воспылал страстью к студентке. Бес, которому наплевать на седину в бороде подопечного, ещё сильнее впился ему в ребро. Пришлось дочери отца Виталия из-за любвеобильного преподавателя уйти из консерватории...

Мой самый лучший институт

Уже со второй беседы я понял, батюшке надо первым делом дать выговориться. Не насканывать с порога с намеченными вопросами. Дать ему выговориться, он обязательно расскажет что-то интересное. А вопросы попридержать.

– Ты знаешь, – начал батюшка в ту нашу встречу. – Пришла сегодня молодая женщина. Не прихожанка... Лет двадцати пяти, двадцати семи. Внешне топ-модель. И на третьем месяце беременности. Два высших образования. Самое страшное, её ребёнок никому не нужен и как разменная монета. Она собиралась замуж, наметили дату свадьбы, хоть и неверующие, но собрались повенчаться. Несостоявшийся свёкор крупная, очень крупная величина в столице, устроил сына, мальчишку в общем-то, на должность, до которой тому, по-хорошему, расти и расти. Не бывает сказочно, раз – и ты руководишь большим предприятием. Без опыта, знаний. В наше сказочное время – бывает, если папа у тебя при деньгах и власти. Дело идёт к свадьбе, вдруг его родители решают, невеста им не ровня. Ей заявляют: свадьбы не бывать, езжай в свой Омск.

И отец у неё ненормальный. Она оказалась в мире, где все сошли с ума. Отец снегом на голову завалился к несостоявшимся сватам требовать себе должность. Раз вы мою дочь кинули, говорит, вы должны мне помочь перебраться в Москву. Так сказать, платите неустойку. Ему в ответ: вот тебе Бог, а вот порог. Выперли. Он обещает за это устроить небо в алмазах и подбивает дочь шантажировать беременностью. Гадюшник. Так называемый жених ещё до разрыва, особо не таясь, успевал сожительствовать с её подругой. И подруга не стала скрывать связь с ним.

Рассказывает мне и плачет. Говорю ей, забудь всех, успокойся. В тебе новая жизнь, это главное, остальное отбрось. Одна мать её поддерживает. Но тоже с оглядкой на отца, материально полностью от него зависит, а тот клянёт дочь, что наотрез отказалась поддерживать его аферу с шантажом.

Девчонка добрая по натуре, хорошая.

Может, говорю, и к лучшему. Бог отвёл от большей беды. Рассказываю ей, что бывая в тюрьмах, не один раз сталкивался с людьми, которые с поднебесных должностей падали ниже некуда. Обладали всем, а стали зеками. А ребёнок – это Божье благословение. Станешь матерью, говорю, поймёшь насколько всё происходящее с тобой сегодня мелко, гадко. Родишь, и у тебя в доме появится ещё один Ангел-хранитель, дом будет под небесным покровительством святого, имя которого дашь своему чаду. И к церкви прилепляйся, будешь просить, Бог даст хорошего человека. Не все же подлецы вокруг. Она говорит (и смех, и грех) сквозь слёзы: «Да, собаки, очень преданные существа». Люди, говорю, тоже бывают неплохие. А если вдруг окажется – ребёнок тебе не нужен, приноси мне, у меня пятеро, одним больше будет.

Всем дурёхам, приходящим в церковь с дилеммой «рожать, не рожать», говорю: обязательно рожай! Сколько таких бывает. Родителям сказать боится, виновник беременности слышать не хочет про ребёнка, ей, бедняжке, не к кому с бедой прислониться, хоть батюшке поплакаться. Всем говорю, если что, приноси ребёнка, воспитаю и шестого. Ни одна ещё не принесла...

С такой истории начали мы тот разговор. Я его запланировал повести на тему учёбы батюшки в институте. По первому образованию он инженер. Но утверждает, всё же больше гуманитарий, чем технарь и, скорее всего, надо было сразу в жизни идти по пути гуманитария. С иронией вспоминает старшего брата Александра, который продвигал идею, что они должны вырасти в вундеркиндов, сказать своё слово в физике, химии, математике, сделать открытия в науке и технике. Отец учил сыновей рисовать, а брат склонял нажимать на естественные науки.

Если батюшка и гуманитарий, всё же не «чистый», в девятом-десятом классе довольно успешно решал варианты задач по математике и физике, которые давались на вступительных экзаменах в Московский государственный университет. Сам туда не поехал поступать, а брату одного балла не хватило для зачисления в МГУ, в конечном итоге он Уральский политехнический институт окончил.

– Я вместе с одноклассником Вовкой Ногиным отправился сразу после школьного выпускного вечера в Томск, в политехнический институт, – рассказывает батюшка. – Решили поехать за месяц до вступительных экзаменов, осмотреться, на подготовительных курсах поучиться. Дядя Вова, брат моей мамы, прислал из Иркутска финансовую помощь – триста рублей. Это были серьёзные деньги. Поселились в общежитие студенческого городка. Жили весело, дружно, ходили на занятия, а также компанией в кино, на пляж. Июль, самая летняя пора, и ты сам себе хозяин. Мы с Вовкой без проблем сдаём математику письменно, математику устно, физику. Набираем по четырнадцать баллов. Я на математике ошибку допустил, Вовка на физике чуток споткнулся. Но это, в принципе, мелочи, можно праздновать зачисление, остаётся сочинение, да оно в зачёт не идёт, хоть на тройку напиши. И вот тут-то я даже тройку не получил. Предприимчивые граждане продавали абитуриентам фотоспособом отпечатанные шпаргалки. В гармошку собранные, а страничка чуть больше спичечного коробка. На ладони разместил и никому, кроме тебя, не видно. Я кое-что списал с такой шпоры. На мою беду ещё один в нашей группе точно таким же гармошечным источником воспользовался. Обоим нам поставили по два балла. Вовка на четвёрку написал, поступил. Мне предложили пересдать сочинение и поступать на вечерний факультет. Что я и сделал.

Вовка готовится ехать в колхоз, всех первокурсников, кто на дневном, отправляли на месяц на сельхозработы, мне как вечернику в колхоз не надо. Я подумал-подумал и махнул к дяде Вова в Иркутск. Время до занятий было, я и рванул. Как снег на голову свалился. Дядя Вова меня сразу начал агитировать:

– Зачем тебе этот Томск. Переводись в Новосибирск в мой институт инженеров водного транспорта. И учиться интересно, и работа живая – каждую навигацию на реке, и заработки не сравнить с городскими. Всегда будешь при деньгах.

Решительности мне было не занимать. Дядя Вова снова денег подкинул, я вернулся в Томск, забрал документы и в Новосибирск. Отец думает, я Томске, а я уже на Оби. Город понравился, мощная река. Пришёл в институт, почему-то уверен был, сейчас меня с руками и ногами... Ничего подобного, из одного деканата в другой перехожу – не берут, группы давно укомплектованы. Прошёл судомеханический, электромеханический, эксплуатационный факультеты и приуныл. Гидротехнический был последним в моём списке. Дядя Вова сказал – на нём труднее всего учиться. Захожу в деканат. Секретарь Клавдия Федоровна Гашникова. Павел Николаевич Орлов – декан, она у него секретарь. Не любила, когда начинали юлить студенты, откровенно врать, ругала парней за длинные волосы, а так душа человек, болела за нас. Если видела, кто-то не сдал не по причине конченного разгильдяйства, а так сложились обстоятельства, и горит у студента стипендия, могла переговорить с преподавателем, упрямить поставить «удовлетворительно», ругаясь за подопечного – сдаст обязательно.

Выслушала меня и говорит:

– У нас все места заняты, давай-ка мы возьмём тебя кандидатом. После первой сессии, а то и раньше, обязательно кто-то отсеется, и тогда станешь студентом.

Так попал в группу Г11.

Одно «но» – общежитие и стипендия кандидату не положены. Существенное для меня, порядком поиздержавшегося, обстоятельство. Пока до Новосибирска доехал, денег в кармане осталось – кот наплакал. Да мне опять повезло – Клавдии Фёдоровне в тот день помогала в деканате Люба Крохалёва. Когда сказал, что пока не определился, где буду жить, Люба на листочке из блокнота написала адрес своих родителей.

– Езжай на электричке на станцию Инская, они что-нибудь придумают

Поехал. Родители Любы всего лет на десять старше моего отца, но я почему-то воспринимал их как бабушка и дедушка – бабушка Катя и дед Иван. Жизнь обоих потрепала, выглядели старше своих лет. Оба прошли немецкие концлагеря. Этот факт сблизил их, когда познакомились. Пережив одно и то же, лучше понимали друг друга. Дед Иван шутник, балагур, а баба Катя строгая. Она Любину записку прочитала, на меня внимательно посмотрела.

– Садись, студент, – пригласила к столу, – борщом покормлю.

Я навернул целую миску.

– Может, добавки?

Не отказался. Ещё одну миску уговорит. Сверху картошку в мундирах добавил.

– Работаешь так же, как ешь? – хитро прищурившись, спросил дед Иван.

– Как кормят, так и работаю, – не остался я в долгу.

– Оставайся ночевать, а завтра разберёмся, – предложила баба Катя.

«Разобрались» так, что я стал в их доме на все годы учёбы своим. Октябрь и сентябрь на первом курсе жил постоянно, и все пять институтских лет заглядывал в гости. Бывали моменты, может, в два месяца раз, надоест до печёнок общага, сяду на электричку и в Инскую. Еду, а на душе так хорошо. Много позже критиковал себя: какой я всё-таки был наивным. Взбрело в голову, собрался и поехал. Не задумывался, ко двору буду или нет, может, людям не до меня. Как здравствуй среди ночи свалюсь. И когда бы ни приехал, всегда с искренней радостью принимали. Так мне казалось. В доме у них было хорошо. Друг к другу баба Катя и дед Иван относились бережно, на войне, в концлагерях поняли – главное не осуетиться в жизни, не разменяться по мелочам – из-за пустяшных обид, ссор, осуждений. В красном углу висели иконы, рушниками убранные, оба верили в Бога. Недалеко от дома была церковь в честь Николая Угодника. Маленькая деревянная церквушка. Уютная, красивая. Идём мимо, баба Катя скажет:

– Ну-ка зайдём.

Свечек купим, постоим. А то и на службу в воскресенье утром разбудит:

– Пойдёшь?

Ходил. Больше бабе Кате приятное сделать. Да и сам постою, и как-то хорошо потом весь день.

При мне не видел, чтобы молились они дома. Но каждый раз, как за стол сядем, баба Катя замрёт на минутку, про себя молитву прочитает, перекрестится, еду перекрестит, только тогда начинаем есть. Почему-то про себя молитву читала, может, меня не хотела смущать.

Ездил с ними на дачу, помогал сажать, убирать, землю копал. Сходу вписался в их семью, приняли как родного. Баба Катя знала, что я страшно люблю её солёные помидоры. Что уж был у неё за рецепт? Солила в деревянном бочонке. Помидорки небольшие, но до того вкусные. Приеду, обязательно наберёт большую миску, картошки наварит, я один всю миску уговорю.

Сейчас вспомню и корю себя. До чего глупый был, нет бы, конфет привезти им в гости-нец, пряников – даже не подумаю.

В те первые два месяца рано утречком проснусь, завтраком баба Катя накормит, и бегу на электричку. В Новосибирске от вокзала поднимаюсь по Красному проспекту к нашему институту. Рядом консерватория, кинотеатр «Победа»...

Закрою сейчас глаза и всё это ясно-ясно вижу, будто только вчера был в тех местах...

В один из первых институтских дней с Володей Казанцевым познакомился. Он тоже не поехал на уборочную и тоже перевелся в НИИВТи – из строительного института. Полгода на строителя проучился, первую сессию сдал, во втором семестре заболел воспалением лёгких, и не стал дальше учиться, решил в речники податься. Володя был мастером спорта по боксу, а декан наш, Орлов, спортсменов привечал. С Володей в коридоре института столкнулись. Что-

то он у меня спросил, разговорились, и до самой его смерти оставались друзьями. На второй день знакомства идём мимо Вознесенского собора, Володя предложил:

– Зайдём?

Купили по свечке, поставили.

– Ты попроси у Бога, чтобы ты студентом стал, – шепнул Володя, – попроси, не смущайся, Бог есть.

Удивило – серьёзно говорит о Боге. Я-то ладно, бабушка у меня верующая.

Володя был коренастый, крепкий, в очках (небольшая близорукость). Скромный, даже стеснительный в каких-то ситуациях, не наглый. Физически очень сильный. На соревнованиях, бывало, против тяжеловеса выходил. В нашей команде некого выставить, он выходил. В одежде не скажешь, что атлет, а в спортзале разденется – сразу видно, очень сильный. Танцевал хорошо. Все наши девчонки без ума от него были. И вообще – имел успех у женщин. Обаятельный, предупредительный, ум острый.

Однажды меня поразил. Вроде мелкий случай, но запомнился на всю жизнь, и Володя открылся по-новому. Мы уже три года были знакомы, на четвёртом курсе заняли вдвоём комнату в общежитии. Октябрь, холодно. А в комнате хомячки от прежних хозяев. Пара забавных хомячков. Думаю, зачем они нам?

– Сейчас, – говорю, – в окно выкину или на улицу отнесу. В подвале пусть живут, на кой они сдались нам! Гадить будут, жрать просить!

Ух, Володя напустился на меня. На полном серьёзе отчитал:

– Ты чё такой живодёр? Они околеют на улице, или собаки с кошками прикончат! Это домашние зверюшки! Какой подвал? Пусть живут! Это наши братья! Беречь надо!

Много позже в письмах владыки Венедикта (Пляскина), нашего омича, прочитал, что Господь Иисус Христос искупил вместе с человеком всю тварь поднебесную, а наше Евангелие есть Евангелие всей твари. Жалеть животных – значит проповедовать Евангелие всей твари. Пронзительные слова. Прочитал и вспомнил Володю. Он по-другому сказал мне то же самое.

Не был сентиментальным, нет, и вот – хомячки. Поразил реакцией. У меня число по-деревенски рациональное отношение – бегают под ногами, гадят. Однажды голубя принёс со сломанной конечностью. Наложил шину из палочек, перебинтовал. Жил у нас бедолага, пока не околемался.

Володя всего на год старше, да у меня тогда ветер в голове гулял, а он ко всему подходил основательно, серьёзно, не одним днём жил. Я от природы не был расположен к боксу. Он убеждал: «Тебе надо!» Раз друг настаивает. На первых курсах в разных комнатах жили, идёт на тренировку, за мной зайдёт. Тренировался (и сам тренировал) в «Динамо», в «Локомотиве», в нашем «Воднике». И везде лидер. Я ходил в «Водник». Если утро Володя начинал с пробежки, звал с собой. Рассказывал уже о боях на чемпиона коридора. Это как раз на первом курсе, когда Казанцев меня к боксу приучал.

В любом виде спорта чувствовал себя уверенно, в гребле, настольном теннисе... В игровых видах – ручном мяче, баскетболе... Везде нарасхват. За факультет надо выступать – Володя, выручай. Не отказывался, раз надо. Яхтами одно время увлёкся... Я лучше всех в группе бегал на короткие дистанции – сто и двести метров. Он меня по весу более чем на десять килограммов тяжелее, да и не бегун. Но ни за что не уступит на дистанции, даже если начнёт отставать, взорвётся и обгонит. Пришёл новичок в секцию бокса и продемонстрировал трюк. Ставит стул спинкой перед собой и с места перепрыгивает его. Мы языками цокаем: вот это ноги! Стали пробовать – ни у кого не получилось. Казанцев подошёл, постоял, посмотрел, примерился и перемахнул. Никогда до этого не делал, а тут раз. После чего парень удивился – впервые его трюк кто-то повторил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.